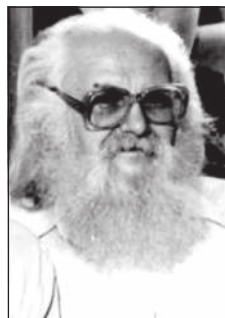

Гарольд БОДЫКИН

ФОНТАН ЛЮБВИ*

Пьеса-мюзикл в 2-х актах
по мотивам поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»

Действующие лица:

МАРИЯ
ЗАРЕМА
ГИРЕЙ
ГЯУР
КНЯЗЬ ШЕРЕМЕТЬЕВ
ВИЗИРЬ
ДЕРВИШ
ЕВНУХ
СТРАЖНИК
НЕВОЛЬНИЦА
ГЕНУЭЗЕЦ
ЛЕКАРЬ
ПРИДВОРНЫЕ, СТРАЖНИКИ, ТАНЦОВЩИЦЫ,
ЖЕНЫ, ДЕТИ-РАБЫ.

* В 1982–1983 гг. пьеса «Фонтан любви», написанная крымским писателем-драматургом Гарольдом Бодыкиным по мотивам поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», была положена на музыку выдающимся крымским композитором **Алемдаром Карамановым**. На протяжении двух театральных сезонов мюзикл шел на сцене Крымского украинского театра драмы и музыкальной комедии.

Публикуется впервые.

ПРОЛОГ

Гонг. Интермедийный занавес закрыт. Его восточный орнамент едва освещен. Журчит фонтан, льется соловьиная песня.

ГОЛОС ПОЭТА:

Покинув север наконец,
Пиры надолго забывая,
Я посетил Бахчисарая
В забвенье дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где бич народов,
Татарин буйный пировал...
Опустошив огнем войны
Кавказу близкие страны
И селы мирные России.

*Далекий топот копыт, он приближается, заглушает голос поэта, сквозь рев несущейся конницы — женский хор.
Интерактивный занавес объяло пламя.*

ЖЕНСКИЙ ХОР:

Татарин буйный пировал
Опустошив огнем войны
Кавказу близкие страны
И селы мирные России.

Пожар утихает. Тишина. И вновь — соловьиная песня, гимн весне и возрождению жизни. Интермедийный занавес обуглился и прогорел до дыр, превратился в холстину.

Одна сценическая установка: это и дворец, это и степь, это и горы.

Передний план заполнен копытами, их выносили воины в татарских шапках.

На копытах — человеческие головы.

ТРИ ПЛАКАЛЬЩИЦЫ В ЧЕРНОМ — на каждой элемент национальной костюмов: украинской, русской, кавказкой. Они ходят среди копий, отыскивая среди погибших своих близких. А в воздухе по-прежнему звенит соловьиная песня.

*Появляется ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ,
проносят мимо ПЛАКАЛЬЩИЦ погибшего товарища.*

КАЗАЦКАЯ ПОХОРОННАЯ (Мужской ансамбль).

С богом в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна.
Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдемся как-нибудь!
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!
Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила,
Я — здоров, и сына Яна
Мне хозяйка родила.

С богом в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна.

ПРОЦЕССИЯ удаляется, за ней уходят Плакальщицы. Темнота.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Минареты Бахчисарая. Покои ханского дворца. Горы подушек, кувшины с водой и напитками, подносы с фруктами, венецианские зеркала. На коврах небрежно лежат музыкальные инструменты.
ГИРЕЙ курит кальян.

ГОЛОС ПОЭТА:

Гирей сидел, потупив взор,
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Все было тихо во дворце;
Благоговейно все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице..
Какою мыслью занят он?
На Русь ли вновь идет войною,
Несет ли Польше свой закон.
Горит ли местию кровавой,
Открыл ли в войске заговор,
Страшится ли народов гор,
Иль козней Генуи лукавой?
Ужель в его гарем измена
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нег и плена
Гяуру сердце отдала?

Основная сцена отделяется решетчатыми воротами, которые, подобно крепостным, опускаются сверху. На авансцене появляются ДЕРВИШ, ЕВНУХ и его брат СТРАЖНИК. Там, за решеткой, жизнь продолжается.

ДЕРВИШ. *(Держится за перевязанную цветной тряпкой щеку).* За что меня ударил хан?

СТРАЖНИК. Аллаху говори спасибо, что жив остался за такую весть.

ДЕРВИШ. Благая весть! Благая! По шариату, всем обычаям — обязан наградить. Когда после охоты с гор он возвращался, я перед конем упал и молвил: «Великий хан, наложница, которую ты возвращал домой отцу в сопровождении Мустафы в дороге родила... Не дочь, а сына! Сына... И за такую весть — вдруг сапогом в лицо.

ЕВНУХ. И поделом, не торопись перед своею тенью. Дочь польского боярина жила у нас одна, за ней присматривал Горбатый, он вза-

перти её держал, сам пищу подавал. Хан приказал отправить в Польшу к отцу, тот обещал за дочь огромный выкуп! А провожать её в Варшаву хан доверил Мустафе. Минувшей осенью их караван ушел, но там, за Перекопом, было беспокойно, волохи против нас восстали, потом ногайцы отказались хану подчиняться и рыскали в степи голодными волками. Вот и сидел в Очакове Аджа с полячкой. Сидел, сидел, пока не родила. Ты сам такую весть принес. Гирей послал в Очаков своего поэта, свирепого Гяура и приказал убить Аджу, полячку и маленького сына.

ДЕРВИШ. Своего сына?

ЕВНУХ. Тут даже полоумному понятно. Раз так Гирей уверен, полячка не была его женой, он ждал огромный выкуп из Варшавы.

ДЕРВИШ. Ай-вай-вай. Моя голова могла уже неделю красоваться на Соколиной башне.

СТРАЖНИК. С тех пор хан не выходит из дворца. Аджа был другом, он его любил. Хан ждет Гяура, уж третьего гонца послал. Сегодня к вечеру Гяур прибудет, готовлю крюк для головы Аджи. Как думаешь (показал крюк), с такого не сорвется? Ха-ха-ха.

ДЕРВИШ. Нам жизнь навязана: её водоворот ошеломляет нас на миг один — и вот уже пора уйти, так и не поняв смысла жизни, приход бессмысленный, бессмысленный уход.

Все трое уходят с авансцены. Топот копыт. Перед воротами появляется с кофром в руках ГЯУР, ворота поднимаются.

ГЯУР (*стремительно вскочив*). Аджу ты навзничь опрокинул? Не правда ли? Ты... в горло сталь ему воткнул и трижды тихо повернул, упился ты его стенаньем, его змеиным издыханьем? Где голова?.. Подай сюда!

(ГЯУР открывает кофр).

ГИРЕЙ (*глядя в кофр*): Ты выколол ему глаза?.. (*С горечью.*) Как изменила смерть лицо того, с кем я делил походов бранных славу, кто был моею правою рукой. Перечеркнул все прошлое! И кто? Кто между нами встал? Неверная полячка. Какой позор. Рабыню он верности и дружбе с ханом предпочел! Туда, туда! На Соколиную обрубок этот, что головою друга назывался.

(Взяв кофр), ГЯУР уходит. Гирей хлопает в ладоши, появляется ВИЗИРЬ.

Проси купцов генуэзских, напомнив им обычаи дворца. Неделю у ворот поночевали — прием достойный дать пора.

Звучит гонг. Начинается церемония. Послы всех стран, кроме посланников Турецкой Порты, обязаны были, упав ниц, подползти к трону хана.

Грузные фигуры двух генуэзских купцов, путаясь в широких одеждах, приближаются к хану.

ГЕНУЭЗЕЦ. Прими, великий Крым-Гирей от нас нижайшее почтение и скромные дары. Генуя всегда была тем посохом, на кой с уверенностью опирались ханы. Сроднились наши общие дела, они, подобно ветру, надувают парус дружбы. А войны мудрейшего хана с се-

верным соседом не раз в битвах выплескивали кубок гемуэзской крови. В пиру побед...

ГИРЕЙ (*перебивая*): И поражений наших. Вы часто слабую подмогу нам давали. Позорно умерла пехота гемуэзская на Куликовом поле под предводительством Батая.

ГЕНУЭЗЕЦ. То было так давно, великий хан. Генуя позор свой отплатила. Прими от нас дары. Вот эти фрукты (*указывает рукой на детей-рабов*) ещё незрелы, но каждый вырастет в прекрасный плод.

(Дети-рабы, мальчики и девочки в возрасте одиннадцати-тринадцати лет связаны общей веревкой, обматывающей каждого.)

Все лучшее, что было на базаре в Кафе, мы закупили для тебя, великий хан. (*Представляет рабов*): Черкес, грузин, славянка, сын гор и дочь горянка из Еревана, а это москвитянка. Немалую мы цену заплатили за каждого из них.

ГИРЕЙ (*с видом знатока, ценителя рабов-детей*). Из этих — жены могут получиться, из этих воины. А этот? Он все плачет, по матери скучает. Ему без женской ласки тяжело. Пусть остается среди женщин моего гарема. (*Протягивает мальчику персик.*) Возьмешь его к себе, Горбатый!

ЛЕКАРЬ и ЕВНУХ отвязывают мальчика от общей веревки, уводят.

ГИРЕЙ приглашает гемуэзцев сесть, жестом руки подает знак Визирю.

Начинается ТАНЕЦ ОДАЛИСОК. Слуги угощают гостей шербетом, фруктами. Почти в полной тишине, когда приглушенно стучит малый барабан, аккомпанируя сольному танцу негритянки, раздается детский крик. Все замирают, на мгновение остановилась даже танцовщица, громче стучит барабан. Заиграл оркестр, все танцовщицы включились в общий танец. ЛЕКАРЬ, в сопровождении ЕВНУХА, выносит завернутого в красное покрывало МАЛЬЧИШКУ.

ГИРЕЙ (*Лекарю*). Он мертв?

ЛЕКАРЬ. Живой. Пока небесное светило свершает полный круг, он наберется сил и будет бегать вначале в услуженье дев, а подрастет — начнет следить за женами великого Гирея. (*Уносит мальчишку.*)

ГИРЕЙ (*продолжая разговор с гемуэзцами*). Генуя просит беспрепятственный вход для своих караванов в устье Днестра и Дона? Мы думаем об этом: скупо гемуэзцы платят.

(Вбегает один из приближенных хана и подает срочную грамоту. Хан вскрывает печать, разворачивает свиток, читает.)

ГИРЕЙ. «Твои уши и твои верные глаза, великий хан, тебе доносят, что Мустафа с полячкой живы. Узнав о твоём гневе, Аджа Мустафа покинул Очаков ночью вместе с ней, с новорожденным сыном тайно. Гяур привез тебе чужую голову, не Мустафа, а... Пусть нас съедят твои собаки, когда мы правды не сказали.» (*Обезумев от гнева.*) Гяур! Сюда Гяура!.. Живого! Все вон пошли! Все вон!!! (*Хватает ятаган и рубит балдахин, что висит над троном, пронизывает подушки, все в панике убегают.*)

Гирей яростно топчет свиток, в изнеможении падает. Возникает мелодия струнного инструмента. ВИЗИРЬ и ЕВНУХ подталкивают ЗАРЕМУ, направляя к лежащему хану.

ЗАРЕМА (вначале с опаской, затем все смелее приближается к Гирею).

ПЕСНЯ ЗАРЕМЫ:

Дарует небо человеку
Замну слёз и частых бед,
Блажен факир узревший Мекку,
На старости суровых лет.
(Гирей поднимается.)

ЖЕНСКИЙ АНСАМБЛЬ (за кулисами).

Но всех блаженней, о Зарема.

ГИРЕЙ.

Но тот блаженней, о Зарема,
Кто мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя.
Обнимет радостно тебя.

ЗАРЕМА и ГИРЕЙ (дуэт):

Настала ночь, покрылись тенью.
Тавриды сладостной поля.
Вдали под тихой лавров сенью
Я слышу пенье соловья.

(ГИРЕЙ, подобно влюбленному юноше, ласкает страстную Зарему.)

ЗАРЕМА.

Мы в непрерывном упоенье
Дышали счастьем; и не раз
Ни клевета, ни подозренье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали нас.

(Гирей, склонившись над Заремой, поет колыбельную песню.)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ГИРЕЯ:

Где б ни адел тюльпан
И роза ни цвела,
Там прежде кровь царей
В себя земля впитала.
И где бы на земле
Ни выросла фиалка,
Знай: родинкой красавицы,
она была.

(Гирей любитесь спящей Заремой. Бесшумно, словно тень, скользнул из-за полога ЕВНУХ. Бережно поднял Зарему на руки, унес. Гирей раскуривает кальян. Два стражника и ВИЗИРЬ волокут связанного ГЯУРА, бросают к ногам хана.)

ГИРЕЙ (без гнева, философствуя, находясь в состоянии эйфории).
Я смолоду привык к обманам, но к старости душа ранимой стала. Как ты мог?.. С рукою воина, с душой поэта так обмануть меня коварно?

ГЯУР. Мы оба смертны, твой приговор... Он сократит лишь путь к эдему, где ждет меня блаженный, вечно радостный покой. Дай выкурить кальян, чтоб в разговоре быть с тобою равным.

ГИРЕЙ. Кури. *(Делает знак рукой. Стражники и Визирь исчезают. Гирей вынимает свой кинжал, подходит к Гяуру, разрезает кинжалом жожаную тесемку, что связывает руки Гяура.)*

ГЯУР. Служил тебе всю жизнь... В стихах тебя я славил, пером доверялся, на что усилий ханских не хватало. Все, что на мраморе начертал, что в свитках, на бумаге написал, — во все я верил! Надгробную плиту, что для себя ты заказал, я вновь словами вычурными, вязью написал: «Война была прекрасным ремеслом для Крым-Гирея». Нет, ремеслом война не может называться. Война — погибель ремесла, война — все худшее, что может разум мой представить. Я слишком поздно это понял. *(Затягивается дымом кальяна.)* В Очакове прозренья наступило, когда застал полячку с сыном, над колыбелью женщина стояла. Готов был выполнить я твой приказ, для смерти было все готово, я даже поднял ятаган...

ГИРЕЙ *(перебивает)*. Довольно! Я все знаю! Ты голову привез не Мустафы, а мертвеца, повешенного у дороги. Ты — пес коварный, обманул меня! Где Мустафа? Где дочь боярская, где их ребенок?

ГЯУР. В безопасности. Тебе их не достать. Я сам побег для них устроил. И не жалею, я ожидаю смерть смиренно и о прощенье не молю. Довольно, хан, об этом. *(Затягивается дымом)*. Последний клад, каким располагаю, в последнее мгновение своей жизни я отдаю тебе — тому, кто, убивая, сам остается на земле. Не думай, будто это выкуп. Нет! Путь я свой предначертал, я не хочу, не буду больше славить все то, что против смысла жизни. Ах, сколько зла своим пером я совершил. Я был свирепым и слепым поэтом. Пусть видит бог, что я не тот, кем все меня считали, зачем, зачем вы, люди, мои стихи так почитали? *(Закрывает лицо руками.)*

ГИРЕЙ *(заинтересованно)*. О каком клade ты упоминал?

ГЯУР *(отрываясь от прежних мыслей)*. В Чуфут-Кале живет моя рабыня. Я сам её добыл на поле брани, когда мы за Днестром разбоем промышляли. Нет, не в наложницы, а в жены возьмешь её, Гирей! Достоянейшая из достойнейших... Я её любил. Быть может, наши долгие беседы о смысле жизни, о войне и мире моё прозренья довершат. Красавиц я таких встречал в подлунном мире, но по уму, по сердцу, видит бог, таких судьба не посылала. Она, как Савская царица, моя прекрасная Мария, свободно говорит на греческом, латинском, на польском, русском и персидском. И кто она, я до сих пор не знаю. Быть может, русская княгиня, быть может, и полячка, быть может, северная дева, а может быть, и с гор Кавказа. Одно я знаю: нет такой в Бахчисарае, нет ни в Стамбуле, ни в Багдаде.

ГИРЕЙ *(рассмеялся)*. И снова вычурная ложь? Ты сам себе готовишь мученика смерти, я думал голову тебе без мук срубить, теперь своей искусной речью ты собственную шкуру до костей снимаешь.

ГЯУР. Оставь для смертных все твои угрозы! Дарю Марию, а этим без твоей расплаты я прекращаю собственную жизнь. Когда б сегодня умер я безропотно, безгласно, она бы тоже умерла голодной смертью, запрятанная тайно за семью замками в неведомой пещере. От мира зависти прекрасную Марию хороню. Дарю тебе её. Когда мы встретимся с тобою на том свете, тогда продолжим спор на равных, а пока дай десять всадников. Чтобы поехать за Марией. Я привезу сокровище тебе.

ГИРЕЙ (*хлопает в ладоши, появляются Визирь и стражники*). Пусть привезет Гяур все то, что хочет. (*Гяуру*). А если не увижу то, что описал поэт?

ГЯУР. Быть может, вижу то, чего не видят остальные. Тогда среди слепых — один я зрячий. Пусть она живет, а я уже ступил одной ногой туда, где собрались все духи моих предков вместе.

ГИРЕЙ. Но я тебя за прошлое твое, — ты был мне настоящим другом, — за прошлое твое коварное предательство прощаю. Я жизнь тебе дарю!

ГЯУР. Ты можешь каждого из нас заставить умереть, но жить заставить ты не сможешь.

(ГЯУР вместе со стражей и ВИЗИРЕМ уходят. Гирей остается один.)

ГОЛОС ПОЭТА (*шепотом*).

Дворец утих, уснул гарем,
Объятый негой безмятежной
Не прерывается ничем
Спокойство ночи. Страж надежный,
Дозором обошел евнух.
Теперь он спит; но страх прилежный
Тревожит в нем и спящий дух.

(В воображении ГИРЕЯ возникает ВИДЕНИЕ:

В гарем проникают юноши — русский стрелец, украинский казак, черкес. Они ищут среди спящих жен Гирея своих невест. Начинается буря. Просыпаются три другие жены (девушки той же национальности). Они умоляют подруг взять их с собой. Невесты, в свою очередь, передают ту просьбу юношам. Напрасно женихи убеждают их в том, что конь не унесет двух невест, что им всем не уйти от погони, они не решаются оставить в беде подруг. Появляется ЕВНУХ. Одетый в женское платье, под покровом ночи, он, коварно обманывая юношей, поочередно убивает их. Появившиеся слуги уносят тела погибших. ВИДЕНИЕ исчезает.)

ГОЛОС ПОЭТА.

Спокойство ночи не нарушается ничем,
Одни фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют,
И с милой розой неразлучны,
Во мраке соловьи поют.

(Ворота решетки опускаются. На авансцене появляются СТРАННИК, ДЕРВИШ. Навстречу им выходит ЕВНУХ.)

СТРАЖНИК (*встречая Евнуха, потирает руки, отложив в сторону копье*). Да, брат, проголодался я! Начальник стражи стал кормить нас, как собак.

ЕВНУХ (*достает из-за пазухи, — одет он в халат, — сверток*). Возьмите. После ханских жен осталось.

ДЕРВИШ (*развернув узелок*). Так мало?.. Говорят, что у Гирея их шестьдесят.

ЕВНУХ. У каждой свой евнух. А у меня — одна Зарема. Все, что осталось от вечера, вам на двоих с достатком хватит.

СТРАЖНИК (*с жадностью ест*). Давно заметил, если стражу плохо кормят, то жди набега, готовься к войне, голодный воин — злой, у сытого — другие мысли. Вот кормишь ты меня Зареминой трапезой — и мысли у меня шальные: когда пойдем в чапун-набег, я обязательно, если вернусь живой, вернусь с женой-рабыней. Мне одиноко по ночам, здесь, на стене Бахчисарая, с тоскою слушать пенье соловья. У всех моих товарищей, почти у каждого, жена.

ДЕРВИШ. Зачем похода ждать? Купи себе татарку.

СТРАЖНИК. Татарка в Кафе стоит больших денег. По мне, все женщины в подлунном мире, все одинаковы и хороши. Я правильно сказал, брат мой?

ЕВНУХ. Мужчина женщину познать не может. Аллахом не дано. Все женщины — завистливы, корыстолюбивы, шайтану рады продать душу. Друг друга лютно ненавидят. И если бы не мы, они бы в одну ночь друг друга задушили. В них подлость смешана с коварством, как в плове мясо с рисом, будь они прокляты, отродье ада..

СТРАЖНИК. Закрой свой рот. Не забывай, что женщина нас с тобою родила, была у нас сестра, прекрасная Зайнаб, о нас заботилась, ты был тогда ещё мальчишкой, поэтому ... забыл.

ЕВНУХ. Помню. Хотя и смутно, все же помню. Мать и сестра — иное дело, они не женщины, они — родные.

СТРАЖНИК. Ах, есть б мать не умерла так рано, другою жизнь твоя была.

ДЕРВИШ. А где же ваш отец?

СТРАЖНИК. В эдеме, он пал на берегу Днестра от русского копыя. По обязательству пред ханом я заменил его. Кунак отца привел коня, и я ушел в чапун добыть ясыр Гирею. В Азове нас на целый год оставили приказом. Когда в Бахчисарай вернулся, то мать уж не застал. Муфтий велел продать сестру, чтоб долг отца вернуть ростовщику, но денег не хватило, тогда его, ещё мальчишкой забрал за пять акче дворцовый лекарь...

ЕВНУХ. Довольно! Всё наше прошлое мне страшно вспоминать.

(Ночной крик муллы с минарета: Ала-ла-лааа-а! Персонажи уходят. Освещаются покои ГИРЕЯ. Поднимаются решетчатые ворота. Два стражника вносят ковровый сверток, кладут у ног Гирея.)

ВИЗИРЬ (*упав ниц перед Гиреем*). Когда мы ехали обратно и наши кони миновали тот храм, что приютился под утесом, Гяур с конем метнулся в пропасть. Без крика, без молитвы... и долго в полной темноте под нами камни грохотали.

ГИРЕЙ. Когда взойдет над миром солнце, найдите его тело. По-

хороните на кладбище ханов, пусть среди нас сидит один поэт. Все, что осталось от него, перепишите в книги. Когда приходит долгий мир, поэтов больше почитают. Он славил подвиги, он славил сеятелей смерти, он песни пел тому, кто побеждал! Все что о жизни и любви писал — сожгите!

ГИРЕЙ показывает жестом — и все торопливо покидают покои. ХАН раскатывает ковер, отбрасывая последний виток ятаганом. В ковер завернута МАРИЯ.

ГИРЕЙ *(В самом начале поражен, но затем, не желая себе в этом признаться, весело смеется, протягивает руку Марии, поднимает ее).* Кто ты, красавица?

МАРИЯ. Сегодня — полонянка и рабыня.

ГИРЕЙ. Но в рабстве ты не родилась?

МАРИЯ. Недавно я узрела небеса чужие. Ещё не так давно седой отец гордился мною и звал отрадою своею. Давно ли? *(Рассматривает покои хана.)* Но с столь ужасной быстротой по жатве стелется пожар — обезображенный войною, родной мой край осиротел. И вот, я полонянка... Свиренного и кровожадного поэта... Недавно он сказал, что жизнь мою храня, любя меня безумно, меня отдаст другому господину. «Жизнь мою храня». Я для себя — давно мертва. Я умерла ещё тогда, когда последний воин, защитив меня, упал, татарской пикою пронзенный.

ГИРЕЙ *(сидится на свое место, раскуривает кальян.)*

Запели соловьи. МАРИЯ стоит, прислушиваясь к трелям.

ГИРЕЙ. Ты родилась под яркой и счастливою звездой... Попала во дворец Бахчисарая, в покои хана Крым-Гирея. *(Пауза.)* Не слышу благодарности Аллаху. *(Пауза.)* Молчишь? *(Пауза.)* Сюда приходят только те, кого ещё с рожденья целует бог в уста. Ты разве этого не понимаешь?

МАРИЯ. И разум, и душа не принимают ваших нравов.

ГИРЕЙ. Допустим, наши нравы дики, представь себе иное: что нет дворца, нет роскоши, нет слуг, нет хана, нет Бахчисарая, а просто все. Ты — женщина, а я — мужчина.

МАРИЯ *(едва улыгнувшись)*. Но ты — сидишь, а я — стою.

ГИРЕЙ. И что же?

МАРИЯ. Когда мужчина сидит, а женщина в его присутствии стоит, то этим себя он унижает. Я только с равным говорить могу, а не..., нас всех природа равными рождает. А если предо мною господин, а я рабыня — то у него права другие. Нет прав мужчины, а есть лишь сила и желанье зверя. *(Гирей вскакивает. Пауза.)* Он может выпить мою кровь и растерзать, как растерзала бы гиена. Зверь рвет живое желтыми клыками, согласия у жертвы не прося. *(Паузы.)* Чтоб отвечать на все твои вопросы чистосердечно и правдиво, я знать должна, кто мы с тобой? Люди или...

ГИРЕЙ. Я встал... Но если хочешь, я преклоню колени по-рыцарски, по-христиански. Я превращусь в куст жасмина, к источнику прохладному прикинувшись...

МАРИЯ. Но это будет длиться миг, ты преклонишь колени. И позволишь у ног моих мгновение ласкаться, как барс играет перед прыжком.

ГИРЕЙ *(после раздумья)*. Ты прозорлива, я живу иным законом. *(Затянулся дымом.)* Все люди — четки на нитке времени в руках Аллаха. Сегодня одного ласкают пальцы Бога, а завтра смотришь — опустился в ад. Я для тебя смягчу гарема строгие законы. Живи одна с прислугою, ни я, ни жены, ни евнухи тебя не потревожат. Позволь мне изредка с тобою говорить.

МАРИЯ. Благодарю.

ГИРЕЙ. Хотела ты сказать, что я великодушен?

МАРИЯ. Об этом рано говорить.

ГИРЕЙ. А что же можешь ты сказать?

МАРИЯ. Что ты красив лицом и молод.

(Гирей нахмурился.)

ГИРЕЙ. И только?

МАРИЯ. На сегодня хватит.

(Гирей хлопает в ладоши, появляется ЕВНУХ, уводит МАРИЮ. Гирей наливает из кувшина в пиалу напиток, жадно его пьет. Входит ЗАРЕМА, хан продолжает пить, не обращая внимания на вошедшую. Зарема внезапно поет песню. Гирей вздрагивает.)

ПЕСНЯ ЗАРЕМЫ.

В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не прожил и дня.
Без меня в небесах принимают решение.
А потом бунтарем называют меня.
Благородство и подлость, отвага и страх
Все с рожденья заложено в наших телах,
Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже.
Мы такие, какими нас создал Аллах!
Все, что будет: и зло, и добро — пополам
Предписал нам заранее вечный калам,
Каждый шаг предначертан в небесных скрижалях,
Нету смысла страдать и печалиться нам.

ГИРЕЙ. Кто эту песню сочинил?

ЗАРЕМА *(защелбела)*. Поэт Гяур. Его прекрасные стихи похожи на стихи Саади. Поэт украсил двор, как драгоценный камень рукоятку ятагана, принадлежащего Гирею.

ГИРЕЙ *(всплеск гнева)*. Не упоминай Гяура имя!.. Я пожалел его, а он меня убил! *(Хватается за сердце.)* Он отомстил мне, негодяй, подбросил в сладостный напиток щепотку яда! Яд — смертельный... *(Швыряет на ковер пиалу.)*

ЗАРЕМА *(в страхе бросается к Гирею)*. Аллах, спаси! *(Обнимает Гирея, сползая к его ногам.)* Скажи мне, чем тебе помочь? Скорее лекаря! Скорее, умоляю!

ГИРЕЙ *(схватив ее за руки)*. Не надо! Слишком поздно.

ЗАРЕМА. Где пиала? Я не хочу здесь оставаться, возьми меня с собой, Гирей! *(Рыдает)*.

ГИРЕЙ. Замолчи. Причитанья не помогут. Не суетясь из жизни надо уходить... я умираю. *(Зарема застывает в ужасе.)* Но если твердо ты решила уйти со мной, только знай... не я тебя неволю, а ты сама свой путь избрала. Ты — свободна, но если ты со мной туда... *(поднимет палец)* откуда нет возврата,... туда со мной уйти решила — возьми кинжал. *(Протягивает Зареме кинжал, затем швыряет его на ковер. Отходит, пошатываясь, в сторону.)* Вот и все. Пришел последний час... *(Опускается на ковер.)* Как много видел я смертей: от пули, ятагана, яда, повешенных, изрубленных, разорванных конями, всего не помню, как не помнит мастер своих горшков, разбитых ненароком. Не думал я, что мой черед придет. *(Застонав от боли, падает на ковер.)*

ЗАРЕМА *(в ужасе, еще не постигнув случившегося)*: Каким коротким был наш день. Едва взойшло, как тут же закатилось моё солнце. О, мой прекрасный, ты уже не дышишь, в небесный сад твой дух ушел, я здесь осталась, ты мой голос слышишь?

(МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОНОЛОГ ЗАРЕМЫ):

Сокровенною тайной с тобой поделюсь,
В двух словах изолью свою нежность и грусть.
С любовью к тебе я в земле растворюсь,
Из праха с любовью к тебе поднимусь.

(Зарема берет в руки кинжал, поднимает его для удара. Гирей бросается к ней, хватая за руку, притягивает Зарему к себе.)

ГИРЕЙ. Прости меня! *(Страстно прижимает к себе.)* Прости за испытанье! *(Целует.)* Моя навек! Клянусь тебе — моя навек!

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

*Комната МАРИИ. Горит лампада у киота.
Плещется струйка воды в комнатном фонтане.
В покоях пусто.*

ГОЛОС ПОЭТА. Увы! Дворец Бахчисарая
Скрывает юную княжну.
В неволе тихой увядая,
Мария плачет и грустит.
Гирей несчастную щадит:
Её унынье, слезы, стоны
Тревожат хана краткий сон,
И для неё смягчает он
Гарема строгие законы.
Угрюмый сторож ханских жен
Ни днем, ни ночью к ней не входит;

Рукой заботливой не он
На ложе сна её возводит;
Не смеет устремиться к ней
Обидный взор его очей;
Она в купальне потаенной
Одна с невольницей своей...

(Появляется ГИРЕЙ, крадучись, он проникает через тайную дверь в комнату МАРИИ, прячется в темноте, став за полог ковра. Откуда-то из глубины, из подвала доносится песня. Гирей выходит из укрытия, открывает потаенную дверь, хлопает в ладоши, появляется ВИЗИРЬ.)

ГИРЕЙ. Откуда голос?

ВИЗИРЬ. Из подземелья. Там — тюрьма.

ГИРЕЙ. Давно поет?

ВИЗИРЬ. Лет уже двадцать, великий хан. Он заключен туда ещё Девлет-Гиреем. Все казначеи на него надежды возлагали, властителям огромный выкуп обещали. Сменялись ханы, умирали ханы, а узник в подземелье жил.

ГИРЕЙ. Приведи сюда.

ВИЗИРЬ *(в страшном испуге)*: Сюда?.. В женские покои?

ГИРЕЙ *(вспышка гнева)*: Да! Я нарушаю все законы!

(Визирь исчезает. ГИРЕЙ подходит к фонтану, который находится в покоях, подставляет ладонь под струйку воды, жадно пьет. Послышались шаги, Гирей прячется. Появляются МАРИЯ и НЕВОЛЬНИЦА. МАРИЯ вышла из купальни, которая находится в соседней комнате. Снова послышалась песня узника.)

МАРИЯ *(расчесывая волосы)*: Опять запел. *(Ложится на ковер, припадая ухом к полу, прислушивается.)*

МАРИЯ. *(Напевает протяжную славянскую мелодию.)*

НЕВОЛЬНИЦА. Быть может, это нареченный, быть может, твой отец?

(Певец неожиданно смолкает, не допев фразу.)

МАРИЯ. Все может быть. Война, как серп, срезает все колосья, молотит, опуская в кладбищенские закрома. *(Зачерпывает ладонью воду из фонтана, как это делал Гирей.)*

(Невольница уносит одежды Марии.)

ПЕСНЯ МАРИИ:

Душа моя, стань каплями дождя
И в океан пади, будь там незримой.
В родном дому мне не зажечь огня,
Не прикоснуться к матери любимой.
Книга жизни моей перелиста — жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность — птица: не помню когда прилетала
И когда унеслась, легкокрылая вдаль.
(Прислушивается.)

Не отвечает, быть может, умер бедный узник?

ГИРЕЙ. Он жив.

МАРИЯ (*с испугом*). А-а-а!

ГИРЕЙ. Не знал, что так пуглива прекрасная Мария.

МАРИЯ (*придя в себя после испуга, который она не скрывает*). Да... Я боюсь мышей и пауков, и даже безобидная букашка может обратить меня в страх, и я кричу.

ГИРЕЙ. Очень странно. Прислужников дворцовых не бояться, а трепетать пред маленькой букашкой... (*Пауза. Гирей обходит покои.*) Твое уныние, слезы, стоны и без того мой краткий сон тревожат. Ужель и спящий дух Гирея пощадить не можешь? (*Пауза.*) Я от тебя далек, за десятью стенами, но призрак твой проходит мимо стражи, сквозь двери запертые и решетки. (*Пауза.*) Ты молчишь... Так вот, я понял, кто тебя тревожил... Из глубины земли идущий голос.

МАРИЯ (*подходит к Гирею*). Признательна за чуткость. Это правда. Мне голос тот напоминал о родине далекой, о храмах и полях её, о светлых водах, белых облаках. Порою мне казалось...

(Гирей хлопает в ладоши.)

ГИРЕЙ. Асаф! Он песней тягостной теперь не потревожит ни тишины, ни песни соловьиной.

ВИЗИРЬ (*вводит князя ШЕРЕМЕТЬЕВА*). Вот чей голос шел из подземелья. Князь Шереметьев! (*ШЕРЕМЕТЬЕВУ*): На колени! Ты перед ханом Крым-Гиреем!

ГИРЕЙ (*злвенно*): Не видишь, кто перед тобой?

КНЯЗЬ. Ты прав, Гирей. Уж год не вижу ничего, ослепнув в темном подземелье.

ГИРЕЙ. Не я повинен в том, твои собратья, на выкуп были очень скупы — на двадцать лет под землю опустили. Вот благодарность соплеменников! Ты был грозой для наших войск, победа за тобой как тень скакала, пока мы хитростью не выбили тебя из седла. Ты много сделал для родного края, а выкуп за тебя просили малый. Царю две грамоты послали и предложили всего лишь город нам вернуть за жизнь, здоровье и свободу князя. Нам отказали.

КНЯЗЬ. Неправда! Я отказал Дивлету подписать прошение такое. Я отказал — не русский царь и не бояре.

ГИРЕЙ. Забыли все тебя, забыли князь. Нет благодарности от внуков, кому нужны вы, старики?.. Детям?.. И то не всем. Рука твоя меч не удержит, едва удержит лишь посох, я отпускаю князя на свободу. На родину тебя доставят с посольским караваном. А на прощанье спой нам песню, какой тревожил нас.

БАЛЛАДА КНЯЗЯ ШЕРЕМЕТЬЕВА:

На помосте валяются трупы,
Между ними хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Хан идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколотку достягает...
Горе! В церкви турки и татары
И предатели — враги богумилы.

Вражий хан прислужников крикнул
И сказал: «Дать кафтан Радивою!
Не бархатный кафтан, не парчовый,
А содрать на кафтан Радивою
Кожу с брата его родного.»
Басурмане на младшего наскочили,
Донага его раздели,
Ятаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы
И до самых костей ободрали —
И одели кожею Радивою.

(Пауза.)

ГИРЕЙ. Веселой песни мы не ждали. Слепнув, ты прозрел, что человек в беде — он никому не нужен. Мы все нужны, пока мы служим, а нет... и лучший воин — скорлупа расколотого камнями ореха.

КНЯЗЬ. Не для себя я жил. Мне ничего не надо, жила бы речь моя родная. Да не ходил бы враг под степями родного града.

(Гирей делает знак, и Визирь выводит князя.)

МАРИЯ. Я ему сказать хотела. Чтоб передал моим далеким...

ГИРЕЙ. Хотела ты сказать, что ты — наложница Гирея?

МАРИЯ. Да.

ГИРЕЙ. Скажи — убей! Не переступит за ворота. Поверь мне, что начертано Аллахом, того не изменить. Вот я противлюсь, не желаю, чтоб стала ты моей любимой, но бога тень нависла надо мною, ему угодно называть тебя моей женой.

МАРИЯ. Но ты женат... и много раз.

ГИРЕЙ. Для чрева нам дана еда, для сердца послана любовь, глаза, и сердце эту пищу духа выбирают. Глаза могу закрыть, но буду ярче тебя видеть. Упрек я слышу: «много жен!» Но мы живем в Бахчисарае, а не в Москве и не в Варшаве, мы здесь живем, и здесь, поверь, мудрей законы. По ним живут не два, не три, а сотни, тысячи и тьмы народов. Не может это плохо быть? *(Пауза.)* Я вижу, разговор не доставляет радости тебе. Я, нарушая заповеди ханов, смягчу гарема строгие законы, введу тебя сегодня в зал не будучи твоим сунругом.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОНОЛОГ ГИРЕЯ:

Я хан, но я в твоих оковах,
Я не стыжусь оков;
И соловей в кустах лавровых,
Пернатый хан лесных певцов,
Окован близ прекрасной,
Невольник розы сладострастной,
Ей песни томные поет.

(Гаснет свет. Опускается решетчатый занавес.)

ГОЛОС ПОЭТА:

... жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине,
Под стражей бдительной и хладной,
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают они,
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы,
Для них унылой чередой
Дни, месяцы, лета проходят
И непременно за собой
И младость, и любовь уходят.

(Поднимается решетчатый занавес. У фонтана, который сверкает струйкой воды, расположились жены Гирея. Под присмотром внухов они занимаются рукоделием.)

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах они
Толпою резвою сидели,
Кругом невольницы меж тем
Шербет носили ароматный.
И песнью, звонкой и приятной,
Вдруг огласили весь гарем.

ЖЕНСКИЙ АНСАМБЛЬ:

Блажен, кто славный брег Дуная
Своею смертью освятит:
К нему навстречу дева рая
С улыбкой страстной полетит.
Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя.

(Появляется ГИРЕЙ, одет торжественно, без оружия. ЗАРЕМА, увидев хана, устремляется к нему, но ЕВНУХ останавливает её, хватив за руки.)

ГИРЕЙ *(смирненно, как муфтий, сложив в приветствии руки)*. Да ниспошлет Аллах все радости земные, вам, моим прекрасным и любимым женам. Жизнь бранная, походы и набегии нас разлучали иногда, но помнил я всегда, что здесь в Бахчисарае оставались дорогие сердцу существа. Я делал все, чтоб были вы богаты, чтоб были вы одеты и сыты, чтоб в непогоду и морозы жаровни все дышали жаром. Так точно вы, мои сладкоголосые певунии, должны заботиться об общих детях и друг друге. Ведь каждая из вас — частица сердца моего, вы — ветки одного ствола, и совершая утренний намаз, лелейте и любите все друг друга — вот моя заповедь, вот мой наказ. Сегодня я привел в гарем ещё

одну жену, на то Аллаха воля, мне небеса противиться не дали. Любите юную Марию, как уважаете и любите меня. (*Входит МАРИЯ в сопровождении НЕВОЛЬНИЦЫ.*) Да будут мир и благодать в моем гареме. (*Уходит.*)

(МАРИЯ и СЛУЖАНКА идут в отдаленный угол, садятся не на ковер, как садились все жены, а на камни фонтана.)

ЖЕНСКИЙ АНСАМБЛЬ.

Как пальма, смятая грозюю,
Поникла юной головою.
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбил Гирей.
Он изменил!.. Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотою?
Чей страстный поцелуй живею
Твоих язвительных лобзаний?
Как сердце, полное тобой,
Забьется для любви чужой?
Как пальма, смятая грозюю,
Поникла юной головою.
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбил Гирей!

(Евнухи внимательно следят за работой жен, придирчиво поправляя вязанье.)

ЗАРЕМА (*чрезмерно весело, подвижно, стяхнув с себя оцепенение*):

От жажды губы сухи,
Любимый хочет пить.
О том, что есть вода,
Заставлю его забыть!
Холодной грустной зимой
Любимый жаждет тепла,
О том, что есть зима
Заставлю его забыть.
Горящим блеском глаз
Сияющих ярче дня,
Заставлю его любить,
Страстно любить меня.

(ЗАРЕМА ранит ковровой иглой себе руку. Одна из жен, увидев это, вскрикивает, закрыв ладонями глаза. Подбегает ЕВНУХ.)

ЕВНУХ. Прилежнее, Зарема, следует работать, а песни петь и спицами вертеть — опасно, легко не руку — сердце можно проколоть. (*Видит кровь на руке Заремы.*): Какая красная... Омой в фонтане.

ЗАРЕМА (*улыбаясь*). Если капну, студеная вода вином рубиновым на солнце заиграет. (*Запела с еще большим вызовом*):

От жажды губы сухи,
Любимый хочет пить,

О том, что есть вода,
Заставлю его забыть!

(Опускается решетчатый занавес. Появляются ГИРЕЙ и ВИЗИРЬ.)

ГИРЕЙ *(прислушиваясь к цокоту копыт проезжающей конницы)*. И много воинов с собой привел Ширинский бей?

ВИЗИРЬ. Двадцать тысяч. А остальные там, за Перекопом. *(Послышалась песня всадников: Ал-л-лаа-а-а-а.)* Они хотят засеять смертью луг вечности. А те народы, что останутся живыми, пусть так живут, как мы живем. Обычаи, законы будут наши, и наша вера, и наша власть. А ты, великий из великих, поход грядущий отменяешь?

ГИРЕЙ. Все беи говорят, что поступил я горяча? *(Прислушивается к песне всадников)*. Нет, нет, все это сделал я не зря. Разум стремится к счастью, день и ночь твердит мне: дорожи каждым мигом, пока не убит! Ибо ты — не трава. И когда тебя скосят — то земля тебя заново не возродит. А из похода сколько не вернется?

ПЕСНЯ ВСАДНИКОВ:
И в Багдаде, и в Стамбуле
Молоты стучат,
Ятаганы, пики, стрелы
Под ударами звенят!
Багдад — Стамбул,
Багдад — Стамбул!
А-ла-ла-ла-ла!

(ГИРЕЙ и ВИЗИРЬ уходят. Поднимается решетчатый занавес. Комната Марии. Горит лампада у киота. В тусклом свете промелькнула фигура, укутанная в черное, прячется за полог.)

(Входят МАРИЯ и НЕВОЛЬНИЦА. Мария садится в кресло с высокой спинкой — единственный предмет европейской мебели. НЕВОЛЬНИЦА ставит светильник, принимается за рукоделие. Увидев, что Мария отрешенно смотрит в одну точку, старается её развеселить.)

НЕВОЛЬНИЦА. Я, госпожа моя, спою вам романсеро, его певала моя мать, когда мы жили в Лиссабоне. С тех пор, как нас похитили пираты и в рабство продали, я многое забыла, а романсеро матери моей я помню слово в слово, я помню, как она играла, я помню даже, как она дышала... *(Берет в руки гитару.)*

РОМАНСЕРО НЕВОЛЬНИЦЫ:

«Скачите сюда, кабальеро,
К столбу привяжите коня,
Пику воткните в землю
И выслушайте меня:
С мужем моим на чужбине,
Быть может, встречались вы?»
«Сеньора, сеньора, я послан
Печальную весть передать:
В дому одного генуэзца
За картами в час роковой

В Валенсии неким миланцем
Супруг был заколот твой.
О нем кабальеро скорбели
И много прекрасных дам,
Но дочь генуэзца, пожалуй,
Была всех печальнее там;
Молва говорит, был он близок
С той девушкой ваш супруг;
Не пренебрегайте мною,
Коль нужен вам новый друг.»
«Не надо, сеньор, не надо
Не надо смущать меня,
Уйду в монастырь, навеки,
Верность ему храня.»
«Не можете вы, сеньора,
Исполнить замысел свой,
Ведь это муж ваш любимый
Пред вами стоит живой.»
И снял кабальеро забрало,
Тряхнул поседевшей главой!...

(Мария зарыдала. Невольница смутилась, отложила в сторону гитару.)

НЕВОЛЬНИЦА. Ах, полно плакать, госпожа, страданием горю не поможешь... А если вдуматься, не так плохи наши дела...

МАРИЯ *(вытерев слезы, успокоилась)*. Оставь меня.

(НЕВОЛЬНИЦА уходит, унося рукоделие и небольшой светильник. МАРИЯ направляется к алькову. Из-за полога появляется ЗАРЕМА, От неожиданности МАРИЯ вскрикнула.)

ЗАРЕМА. Тс-с-с! Ты нас погубишь этим криком. Разбудишь евнуха.

МАРИЯ *(шепотом)*. Кто ты?... Одна, порой ночью, зачем ты здесь?

ЗАРЕМА. Пришла к тебе, спаси меня: в моей судьбе одна надежда мне осталась... Была беспечной и счастливой день ото дня, теперь я гибну, выслушай меня. Родилась я не здесь, далеко, далеко... но минувших дней предметы в памяти моей доньне врезаны глубоко. Я помню горы в небесах, потоки жаркие в горах, непроходимые дубравы, другой закон, другие нравы; но почему, какой судьбой я край оставила родной, не знаю; помню только море и человека в вышине над парусами... Затем был страх, затем прошел. Я в безмятежной тишине в тени гарема расцвела и первых опытов любви послушным сердцем ожидала. Желанья тайные мои сбылись. Гирей для мирной неги войну кровавую презрел...

МАРИЯ *(как эхо)*. Войну кровавую презрел?

ЗАРЕМА. Да. Пресек ужасные набеги и свой гарем опять узрел. Пред ханом в смутном ожиданье предстали мы. Он светлый взор остановил на мне в молчанье. Позвал меня... и с этих самых пор мы в бесперывном упоенье дышали счастьем. *(Едва дотрагивается до струн*

гитары, и они зазвенели в тишине. Подождала, пока не утихли звуки аккорда.) И ни разу ни клевета, ни подозренье, ни злобной ревности мученье, ни скука не смущали нас. Мария! Ты пред ним явилась... с тех пор его душа преступной думой омрачилась! Гирей, изменою дыша, моих не слушает укоров, ему докучен сердца стон; ни прежних чувств, ни разговоров со мною не находит он. Меня убьет его измена... Я плачу: видишь, я колени пред тобой склоняю, молю, винить тебя не смея, отдай мне радость и покой, отдай мне прежнего Гирея. Хочу ему родить я сына. Сильнее жизни я его люблю.

МАРИЯ. Люблю... люблю. Как много в этом слове, у каждого народа есть подобные слова.

ЗАРЕМА. Ты много добрых книг познала, тебе и жить на свете легче. Во мне же страсть одна клокочет. Отдай мне прежнего Гирея.

МАРИЯ. Ради бога, бери, я на него не посягаю.

ЗАРЕМА. Он ослеплен тобою. Презреньем, просьбою, тоскою, чем хочешь отврати его. А если нет... кинжалом я владею, я близ Кавказа рождена. *(Вытащила кинжал.)*

МАРИЯ. Не угрожай! Противиться я стану, так ненавижу притеснения.

ЗАРЕМА. Прости. Я умоляю. *(Отбрасывает в сторону кинжал, становится пред Марией на колени.)* Между невольницами хана забыла веру прежних лет, но вера матери моей была твоею. *(За сценой Зарема услышала скрип двери.)* Сюда идут, скорее спрячь, мне по законам муки суждены за вход в биесть эту.

(МАРИЯ прячет ЗАРЕМУ. Входит ГИРЕЙ.)

ГИРЕЙ. Светает. Небо как роза чайная порозовело. Ты рано встала, думал я, что спишь. Всю ночь бродил я у фонтана, как нищий дервиш по кладбищу. В кого ты превратила хана? Я слов, пожалуй, не найду, кого в сравнение с собой поставить. Позволь прилечь у ног твоих. К утру усталость ощутил я. Весь прошлый день совет военный заседал. Смотрю на лица говорящих, а мысли заняты тобой. Весь день склоняли меня беи принять решение.

МАРИЯ. Чего они хотят?

ГИРЕЙ. Похода. Жара стоит. Нещадно солнце палит, источники все пересохли, падеж баранов, мор скотины, вой женщин и детей голодных — тревожат воинов моих. Диван Бахчисарая вправе потребовать от хана... Ясыром скверные дела поправить.

МАРИЯ. В чужой предел твоей рукой хотят набег татар направить?

ГИРЕЙ. Ширинский бей слова корана под конец сказал: «Мы возвысили одних ступенями над другими, чтобы одни из них брали других в услуженье». «Тебя, Гирей, Аллах возвысил над воинами, чье ремесло — война, а ты их в услуженье не хочешь брать. Возьми — мы все твои...» Что я могу на это отвечать? Что не хочу идти в поход, что в потаенной комнате моей живет Мария? Которую, а это видит бог, я не обидел, и не прикоснулся. Да! Это так. Пресытившись любовью, я, вдруг, познал иную красоту.

МАРИЯ. Ты вправе требовать от них оставить замыслы войны и мирными делами заниматься. Копать колодцы, сеять хлеб...

ГИРЕЙ. Я доводов привел немало. Повременить с походом приказал. Всех обманул, но больше всех себя. Причина кроется одна, я не хочу с тобою расставаться. Мой нежный друг, цветок голубоглазый, что сделать для тебя?

МАРИЯ. Нет просьб сегодня у меня.

ГИРЕЙ. Готов я твое имя славить походом новым, подвигом военным во славу первой дамы сердца. Княжна Мария, разве я не рыцарь? Любовь к тебе меня на подвиг поднимает, я клятву дам: приколочу плеть над воротами любого града, любой державы, на которую укажешь.

МАРИЯ. Мир в нищете — прекраснее войны победоносной. Державы в мире расцветают. И ты свой караван по мирному пути направь, пусть даже беи возражают, обязан мирными путями...

ГИРЕЙ. Ты ошибаешься, я не Омер, не строю я фонтанов и беседок. А разрушаю крепости и города, я — воин и убийством жить обязан.

МАРИЯ. Убийство и любовь — несовместимы, как тьма и свет. Задумайся над этим. Любовь подобного себе рождает, война лишь только убивает.

ГИРЕЙ. Мне так не хочется об этом думать. Я вновь и вновь, в который раз прошу тебя войти в гарем по праву первой. Женой тебя я объявил, но нарушаю... *(Раскрыл книгу, которую принес с собой.)* В коране сказано: «Женитесь на сиротах, которые вам нравятся: на двух, на трех, на четырех...»

МАРИЯ. В коране сказано: «женитесь на сиротах». Но я не сирота. Жив мой отец. И у него должна просить благословенья.

(ГИРЕЙ, обидевшись, не сказав ни слова, захлопнул коран, уходит. С улицы, с минарета долетает гортанный крик муллы: Ал-ла-ла-лала!)
Из-за ширмы появляется ЗАРЕМА.)

ЗАРЕМА *(потрясенная услышанным)*. О, боже! Ты возразила хану на его слова, прочитанные из самого корана.

МАРИЯ. Я лишь сказала правду, что я — не сирота.

ЗАРЕМА. Как ты легко, вдруг, приговор отцу родному подписала. Гирей теперь убьет отца, убьет... нет невозможного для хана, будь твой отец в преддверье рая, его найдут и умертвят. Пока не поздно, стань женою, а уж потом, потом презреньем, скукой и тоской пыл сердца умертви. Я принесла тебе все, все, что было дорого. *(Раскрывает маленький ларец.)* Возьми себе... Вот яхонт червончат, вот жемчуг, вот смарагд. Мне подарил это Гирей, когда весною из похода возвратился. Вот бирюза, от всех недугов этот талисман спасает. Возьми, я все тебе дарю.

МАРИЯ. Не знаю, что тебе сказать. Да, я любила ожерелья. В смарагде, в яхонте, в подарке, даже самом малом, большую радость находила. Все это было... так давно... Теперь все это опротивело, постыло. Бессмысленность в богатстве вижу я.

ЗАРЕМА. Возьми, не обижай меня. Я это оставляю.

МАРИЯ. Как выкуп за Гирея?

ЗАРЕМА. Я не плачу, а плачу, видишь, я колена в мольбе склоняю пред тобой. Отдай мне прежнего Гирея. Он только на мгновение твой, он ослеплен тобою, но поверь, что сердцем и душой, он мой, он мой!

МАРИЯ. Нет, Зарема. Кривить душою не хочу, подарков этих не беру, я кажется, люблю Гирея. Люблю Гирея, но не хана.

(Свет выхватывает фигуру ЕВНУХА, который, оказывается, притаившись, присутствовал в покоех во время всех разговоров. ЕВНУХ протягивает из-за ширмы руку и забирает кинжал, оставленный Заремой. Свет в покоех Марии гаснет. Опускается решетчатый занавес.)

Музыка.

Перед воротами, на авансцене появляются ВИЗИРЬ и ГИРЕЙ.

ГИРЕЙ. Вели посольский караван собрать, три сотни воинов моих в придачу.

ВИЗИРЬ. Великий хан, скажи, куда им путь держать?

ГИРЕЙ. До Перекопа вместе с ними буду, а там... там видно будет. *(Уходит.)*

(Появляется ЕВНУХ, подходит к ВИЗИРЮ.)

ЕВНУХ *(передавая Визирю кинжал)*. Принес кинжал, утеранный Заремой. Дервиша привел, как ты велел, великий визирь.

ВИЗИРЬ. Пусть дервиш подойдет. *(ЕВНУХ машет рукой, появляется ДЕРВИШ, низко кланяется.)* И кем ты будешь, мудрый человек?

ДЕРВИШ. Я — странник, это видно по моим ногам. Калам держать меня в Медине научили, там сочинил я первые свои газели.

ВИЗИРЬ. Благословенен тот час, когда встречаем мы поэта. Поэт — брат дервишу, цари заботятся о славе, о власти, роскоши... и умирают, о них все быстро забывают. Поэт, проживший нищим и убогим, из уст в уста передает свой голос. Погиб народ, замолк язык народный, но оживает вдруг поэта речь на языках других, совсем неведомых народов. Я назначаю повелителем тебя всех книг, всех свитков, что хранятся здесь в мечети. Когда вот эта жирная, как блин, луна на небе тощим ободком предстанет, уйдешь ты, дервиш, из Бахчисарая и все расскажешь людям. Все, что до ушей твоих, средь шепотов и шорохов дворцовых, долетает. А будет, будет, что поведать. Благословенен тот час, когда встречаем мы поэта. *(ДЕРВИШ, низко поклонившись, уходит в темноту, остается ЕВНУХ.)* Евнух, уж ты-то знаешь, как переменчива судьба всех тех, кто спит за этими стенами. Быть может, и твоя стоит сегодня на пороге славы. Не упusti момент. Мне хан в беседе у фонтана сказал недавно, что «пресытившись любовью, познал иную красоту.»

ЕВНУХ. Что он имел в виду?

ВИЗИРЬ. Неведомо. Калам небесный предписал нам всем повиноваться хану, но и великий хан обязан брать нас в слуги, чтоб напоить оружие обильно кровью и принудить врагов испить до дна кровавый кубок. А хан войны не хочет, а наши дни в тоске проходят. Стамбул

пока молчит, прислушиваясь к ропоту Бахчисарая. Гирей сегодня отменил второй поход, он весь ушел в себя, читает книги, беседует подолгу — не с муфтием, как подобает по корану. А взаперти... язык отказывается мой произнести презренное то имя, не хуже моего ты знаешь, кого имею я в виду.

ЕВНУХ. Княжну Марию.

ВИЗИРЬ. Я не уверен, что она — княжна, её султаншей можно называть, боярыней, да кем угодно, поскольку это — сатана, вошедшая в наш дом, ниспосланная адом. Хромой евнух поведал нам вчера, что дева юная живет одна, а посвящение её в жены всего лишь видимость закона, обман для нас, обман для...бога. Нам всем завещано пред ханом преклоняться. Но ничего не сказано о женах! Иди и знай, мы на тебя надежду возлагаем, но не торопись, лишь только я один знак подаю... когда. Какой ещё скажу. Теперь прощай. Брат твой во всем тебе поможет. *(Евнух уходит.)*

Появляется СТРАЖНИК, Визирь его окликает.

ВИЗИРЬ. Салам. Иди сюда. *(Стражник подходит, кланяется в пояс.)* Я знаю, что ты очень любишь брата. Когда при случае, а я уверен, что такой случится, ты должен встать в его защиту и подтвердить все то, что евнух скажет. Способен ты на это?

СТРАЖНИК. Да, великий визирь.

ВИЗИРЬ. И даже перед смертью не спасуешь?

СТРАЖНИК. А что мне смерть? Я каждой ночью её вижу, старуха-смерть — моя жена, то камнем пролетит, а то стрелой ночную мглу прочертит.

ВИЗИРЬ. За службу верную тебе я приведу жену живую, настоящую, с прекрасными глазами, не хочется мне говорить, кого красotka эта знала, с почтенным человеком обнималась. Ты только не расспрашивай её об этом. *(Крикнул):* Гараф! Веди её сюда. *(Слуга ВИЗИРЯ вводит ЖЕНЩИНУ, одетую в голубые шаровары, укутанную в белое покрывало, её лицо скрыто черной паранджой.)* Дарю тебе, ты дружбой преданной заслужишь те сто акче, что за красавицу могли дать в Кафе.

СТРАЖНИК. Великий визирь, я твой раб отныне. *(Становится на колени, припадая лбом к самой земле.)*

ВИЗИРЬ. Не бойся никого, кроме Аллаха! Он наша опора. Он дает силу нашим ногам, да стоят они крепко. *(Совершив намаз, смиренно уходит, вслед за ним исчезает слуга.)*

Встав с колен, СТРАЖНИК с любопытством обходит вокруг невесты.

СТРАЖНИК. Вот так подарок!.. Теперь в чапун-набег не обязательно идти. А вдруг под паранджой старуха!.. Тогда мне надобно по всем законом её кормить до самой смерти? Нет, злой шутки визирь не сыграет, он слишком брата уважает. Ты — татарка?.. Молчит. Ты по-татарски понимаешь? *(ЖЕНЩИНА утвердительно кивает головой.)* СТРАЖНИК шагнул к ней. Она резко оттрянула.) Чего пугаешься? Я добрый, бить не буду. Меня зовут Селим. Я охраняю хана. Дежурю ночью у стены дворцовой, а ты уж будешь спать одна, но ты не бойся, моя

сакля забором каменным обнесена, его ещё отец мой строил, а завтра я его ещё повыше сделаю — ладоней в пять камней прибавлю. (*Берет ЖЕНЩИНУ за руку.*) А ручка нежная, видать была наложницей у бея? В руках мотыги не держала? Ты что молчишь?.. А здесь было колечко... на пальце... след остался. Какой мерзавец снял?.. Что ты молчишь? Ух, негодяи, решили, как Селиму, отдавать, так можно украшения сорвать?.. Ты что молчишь?.. Конечно, я тебе не нравилось, подумала скупой? Мне наплевать на кольца, ожерелья, но не люблю, когда воруют у меня. (*Запел соловей. СТРАЖНИК прислушался.*) Слышишь как выводит? И долго будем так стоять?.. Пора бы паранджу поднять. (*ЖЕНЩИНА поднимает паранджу.*) О-о-о! да ты султанша, шайтан тебя возьми, потребует большой услуги визирь! Не положить бы голову мне за такую красоту. Я прав или не прав? ... Ты что молчишь, чертовка? Я голос твой хочу услышать!.. Ну!... Говори! (*Поднял плеть.*) Дай первый мне совет, как подобает жене мужу. (*ЖЕНЩИНА молчит. СТРАЖНИК бьет ее плетью. ЖЕНЩИНА не дрогнула, не проронила ни звука.*) Ясно. Ты гордишься своею красотой. Ясно, я не потрафил своею рожей. Что поделаешь, таким родился. Родился некрасивым, но разговорчивым! Я целыми неделями ни с кем не говорю, имею право, хотя бы днем, возвратясь из с караула, поговорить с женой? Уж лучше получу пяток акче, свезу тебя на рынок в Кафу. (*ЖЕНЩИНА, умоляюще застонав, опускается пред СТРАЖНИКОМ на колени, целуя подол его одежды.*)

Появляется ВИЗИРЬ.

ВИЗИРЬ. Ты не расспрашивай её о многом. Её зовут Айше и ей отрезали язык. Она все понимает, но говорить теперь не может. Все тайны, что она узнала, в её душе погребены навечно. А ты, солдат, не унывай: прекрасно, когда женщина молчит. Да, я забыл тебе сказать о плате. Запомни. Ты остаешься верным хану. Я — визирь этого дворца, клянусь перед тобой, простым служакой, что против нашего, великого из всех великих, нет заговора, но... но... ты пропустишь после знака в ту потаенную обитель брата. Это и будет плата за эту красоту. Ты понял? И не вздумай послушаться. Двух безъязыких в одной сакле будет много. Не так ли?

СТРАЖНИК. Да, великий визирь.

ВИЗИРЬ. Теперь веди жену домой.

СТРАЖНИК. Вести?.. Она достойна, чтобы на руках её носили. (*Подшел к ЖЕНЩИНЕ, как бы извиняясь за совершенное, завязал узлом плеть, которой ударил. Нежно поднял на руки, унес.*)

Гаснет свет. Поднимается решетчатый занавес.

Дворец. ГИРЕЙ идет внутренним переходом, навстречу ему выторкнула ЗАРЕМА.

ЗАРЕМА. Мой повелитель! Я песней новой слух твой усладить хочу.

ГИРЕЙ. Сейчас не время.

ЗАРЕМА. Давно ль мы были неразлучны? Теперь от ласк моих бежишь; теперь они тебе докучны, ты целый день в кругу дивана, а

ночью в спальню не приходишь, а бродишь, бродишь у фонтана, я это вижу сквозь решетку.

ГИРЕЙ. Оставь меня. Душу пылкую твою волнуют, ослепляют только страсти. Да, я тебя люблю. Люблю, но не сильнее... власти. Я этим каждый день живу.

ЗАРЕМА (*обвивая его шею*). Я только близь тебя живу, вдали я засыхаю, как цвет миндаля в страшную жару.

ГИРЕЙ. А я, пресытившись любовью, познал иную красоту.

ЗАРЕМА (*горячо*). Нет в мире красоты прекраснее любви.

ГИРЕЙ. Оставь. Наскучил мне ненужный разговор.

ЗАРЕМА. Хорошо. Поговорим о славе! О походах бранных. Война — вот борозда, что оставляет след в истории надолго. Ты много сделал для того, чтоб через века тьма молва не перестала хана славить. Вчера мне звездочет сказал, что все планеты стали в ряд и суждено тебе поход свершить и возвратиться в славе.

ГИРЕЙ. Планеты, звезды, весь круговорот, все ополчилось против Гирея. Если б я стал властелином судьбы своей, я б заново жизнь написал всю иначе, и сегодня не знаю, какие же строки я безжалостно вычеркну из бытия. Я пришел сюда ханом, надолго? Не прибавилась небу краса, я уйду — будут той же лазурью цвести небеса.

ГИРЕЙ уходит, оставляя ЗАРЕМУ. Появляется ЕВНУХ.

ЕВНУХ. Гирей давно не внемлет ничьему совету. С тех пор, как появилась Мария... Иные средства здесь нужны. Княжна — чертовка, она околдовала хана, чертовка послана из-под земли. Ты смерть её с восторгом примешь?

ЗАРЕМА. Нет. К Марии сострадание питаю. Слезами день последний свой омою и в прах, не буйствуя, смиренно, евнух, я уйду. (*Уходит.*)

ЕВНУХ. Слов нет, от страсти женщина лишается рассудка. (*Уходит.*)

Гаснет свет. Комната МАРИИ. Служанка вышивает бисером головной убор. Мария вяжет.

МАРИЯ (*поет*).

Книга жизни моей перелистана — жаль.

От весны, от веселья осталась печаль.

Юность — птица: не помню, когда прилетала

И когда унеслась, легкокрылая, вдаль.

НЕВОЛЬНИЦА. Давно к нам хан не приходил. Не занемог ли? А может быть, не попрощавшись, ушел в поход?

МАРИЯ (*в тревоге*). Не может быть. Я так его просила уговорить в совете беев не выступать против соседей, не проливать людскую кровь. Нет, нет, не мог Гирей уйти в поход, не попрощавшись. Как было б хорошо отсрочить, хотя бы на год, страшную войну.

Входит ГИРЕЙ. Невольница, низко поклонившись, исчезает.

ГИРЕЙ. Тоскует ангел мой, тоскует. И вот теперь, я полностью уверен, что ничего тебя не успокоит. Тоска по родине, по близким, не зря вчера ты строчку прочитала поэта... я не запомнил его имя: «Тоска по родине — сильнее смерти.» Но есть ещё одна тоска, тоска любви, тебе и многим это чувство не знакомо. Да, это горе мне послал Аллах. Рукой Гяура яд любовный подбросил в чашу бытия. Опять я ночь не спал, провел в подвале казначея, и золото, как лист осенний, шуршало, сыпалось под моей рукой. И в созерцании богатства — нет забвенья! Я долго думал, что тебе сказать. Решил сказать, что ты свободна, я отпускаю, с радостью иди. Иди куда глаза глядят. Посольским караваном на родину тебя отправлю. Я остаюсь, надеюсь, не умру, надеюсь, что тоска меня тесемкой шелковой султанской не задушит. Прощай, мой ангел, я тебя любил. Там за воротами Бахчисарая ждет караван и преданная стража. Пусть оба бога — твой и мой — хранят тебя в походе этом. *(Наклонил голову.)* Прощай.

МАРИЯ. Ты принял твердое решенье?

ГИРЕЙ. Наполовину. Вторая часть решения — твоя. Ты после слов моих печать на приговор поставишь. А я в бою очищу кровь свою, пусть опьянит меня напиток славы, кровавый пунш, а не любовный. Прощай, заждались кони, я провожу тебя до Перекопа.

МАРИЯ. Не тороплюсь печать поставить. А отчего? Сама не знаю. Ты думал ночь, а мне даешь всего мгновенье. Присядь, отведай фрукты, жажду утоли малиновым шербетом.

(ГИРЕЙ с радостью располагается на подушках, принимает пиалу из рук Марии.)

Я согласна стать твоей женой и просьбу лишь одну прошу исполнить... На год отсрочить все походы и не уйти в набег за Перекоп. Неисполнимое желанье? Для хана, чье ремесло — убийство и война.

ГИРЕЙ. Да, не из легких. Все окружение, планеты, звезды, круговорот Вселенной — все ополчится, все против меня. Но я согласен, я бросаю вызов: всем бегам, звездам и планетам! Дай руку, дорогая. Сегодня, будь что будь, пируем назло всем!

Музыка. Опускается решетчатый занавес.

Засуетились дворцовые слуги. Понесли из погребов вина, на кухне стали жарить дичь и носить в главный трапезный зал. Подготовкой к пиру руководит Визирь.

На званный обед приглашены послы соседних стран, генуэзцы. Все свиты движутся мимо ВИЗИРЯ и ЕВНУХА, которые зорко следя за всем, беседуют.

ВИЗИРЬ. Великий хан решил всех удивить. Дает торжественный прием, но не такой как мусульмане, а празднество, как у неверных, когда все женщины, мужчины, как овцы и бараны смешались в одной отаре. Аллах ему судья, для нас он облегчает дело. *(Заметив нерасторопность служки, что несет гору подушек над головой, хлестнул её плетью.)* Ты знаешь, евнух, как переменчива судьба, быть может, и твоя сегодня на пороге славы. По силе духа, по уму не для гарема ты родился. Тебе известно, кстати, что в прошлом веке Бахчисараем правил евнух? Его правителем назначил сам султан из Порты. Он правил не так долго, но довольно славно. *(Заметив негра, несущего под мышка-*

ми двух ягнят.) Осел! Баранов не сюда, носи на кухню! Баранов в зале и без того хватает. (*Евнуху.*) Щепотку яда бросишь в пиалу с малиновым шербетом для Марии. И, как бы пыткой ни терзали, тверди одно: «Зарема отравила, княжну — Зарема отравила!» Запомни, что легенды сочиняют не поэты, а визири готовят и невзначай передают поэтам. Те, вдохновенным озаряясь, такую сочиняют небыллицу, что сами визири её не узнают. Вот, кстати, сам поэт, уж он расскажет всем потомкам в подробностях, как страстная Зарема, соперницу ревнуя, отравила. (*По-является ДЕРВИШ. ДЕРВИШУ.*) Великий хан в мои уста вложил поэту приглашенье на званый ужин. Тебе немного приходилось видеть таких торжеств, весь ход его — не мусульманский, а, по обычаям неверных, когда все вместе, как на том свете, и женщины сидят, а рядом с ними, развалясь, лежат мужчины и пьют вино, и смеются, и едят, а захмелев совсем, поют, режут все громко, невпопад, как буйволы в загоне тесном. Иди, смени халат и соверши намаз во славу хана Крым-Гирея. (*ДЕРВИШ уходит. ЕВНУХУ.*) Воле аллаха коня поручи, но сам вожжи покрепче держи. Условный знак такой: «Эй, виночерпий, подай гостям малиновый шербет!». И после этого ты прикажи Зареме в знак уважения к Марии подать ей пиалу любимого шербета.

Музыка. Беготня прислуги прекратилась. Маленькие служки понесли опახало. ВИЗИРЬ и ЕВНУХ расходятся в разные стороны.)

Музыка.

Гаснет свет. Поднимается решетчатый занавес.

Тронный зал дворца. Званый ужин в разгаре. Изрядно выпив, многие гости захмелели. Генуэзцы исполняют ТРАНТЕЛЛУ.

ВИЗИРЬ (*после эффектного финала танца*). Эй, виночерпий, подай гостям малиновый шербет!

СЛУГИ разливают из сосудов по пиалам напитки. ЕВНУХ, что-то шепчет ЗАРЕМЕ, протягивая ей пиалу.

ЗАРЕМА.

Когда песню любви запоют соловьи —
Выпей сам и подругу вином напои.
Видишь: роза раскрылась в любовном томлении?
Утоли, о влюбленный, желания свои.
Стоит царства Вселенского чарка вина,
Стоит берега райского чарка вина,
Горек вкус у налитого в чарку рубина —
Эта горечь всей сладости мира равна!
Надо жить, — нам внушают, — в постах и труде,
Как живете вы — так и воскреснете — да.
Я с подругой и чашей вина неразлучен —
Чтобы так и проснуться на страшном суде!
Опасайся плениться красавицей, друг!
Красота и любовь — два источника мук,
Ибо это прекрасное царство не вечно,
Поражает сердца и — уходит из рук.

(ЗАРЕМА протягивает пиалу МАРИИ, та в благодарность принимает её и выпивает напиток.)

ВИЗИРЬ делает знак — и в зал влетают два ороленных по пояс танцора.

ТУРЕЦКИЙ ТАНЕЦ С ЯТАГАНАМИ.

*Долгий тир утомляет ГОСТЕЙ, некоторые засыпают на подушках.
МАРИЯ ПРИКЛОНИЛА ГОЛОВУ НА ПОДУШКУ РЯДОМ С СИДЯЩИМ
ГИРЕЕМ. ГОСТИ, те что ещё держатся на ногах, в основном это ГЕНУЭЗЦЫ, за-
тягивают хмельную сумрачную песню.*

ХОР ПЬЯНЫХ ГЕНУЭЗЦЕВ:

Валенсия, ах, Валенсия!
Валенсия, валенсианка!
Вчера была мавританкой,
Сегодня ты христианка,
Но скоро вернутся мавры,
Я это тебе предрекаю,
Королю я саблей
Бороду обкорнаю;
Супруга его, королева,
В служанках моих завянет,
А дочь его, недотрога,
Наложницей моей станет...

(ГИРЕЙ, увидев, что Мария уснула, делает знак.

*ГОСТИ удаляются. Совсем нетрезвых слуги почтительно выносят. Только один
светильник бросает тусклый свет на лежащую Марию и Гирея.)*

ГОЛОС ПОЭТА.

Марии нет
Мгновенно сирота почила.
Она давно желанный свет,
Как новый ангел, озарила.

МУЗЫКА. Гаснет свет.

Опускается решетчатый занавес.

ГОЛОС ПОЭТА:

В ту ночь, как умерла княжна,
Свершилось и Заремино страданье...

Музыка. При свете факелов движется похоронная процессия.

Последним идет ГИРЕЙ.

*Появляются ВИЗИРЬ, ЕВНУХ, ДВА СТРАЖНИКА, держа ЗАРЕМУ за руки,
подводят к фонтану.*

ВИЗИРЬ. Ты отравила юную княжну?

ЗАРЕМА. Нет! Клянусь Аллахом, нет!

ВИЗИРЬ. У юной девы не было врагов.

ЗАРЕМА. Клянусь, я к смерти не причастна!

ВИЗИРЬ. Ты разве по ночам её не посещала? *(Показывает Зареме
ее кинжал.)* Кинжал твоей рукой оставлен был? Сопернице ты разве

смерти не желала? Так вот скажи все это хану: что ты её ночами пощела, что ты Марию отравила.

ЗАРЕМА. Никогда!

ВИЗИРЬ. Скажешь! Я не встречал ещё такого человека, чтоб после пытки у фонтана, не повторил того, что приказали. И ты признаешься во всем.

ЗАРЕМА. Нет! Нет!

(ВИЗИРЬ делает знак, и стражники, держа ЗАРЕМУ за руки, опускают её голову в фонтан. Держат несколько секунд.)

ЗАРЕМА *(обезумев от страха, судорожно глотает воздух)*. А-а-а-а! Нет, нет! Не мучайте меня! Я не виновата!

ВИЗИРЬ. Обратное хочу я слышать. *(Делает знак стражникам. Пытка водой.)*

ЗАРЕМА *(почти теряя сознание)*. Нет... Нет...

ВИЗИРЬ. Признавайся, хан помилует тебя. Зарема — лучшая из лучших. Признайся, что любовь тебя на преступление толкнула.

ЖЕНСКИЙ АНСАМБЛЬ *(за кулисами)*:

Но всех блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
В прохладе тайного гарема
Обнимет радостно тебя.

(Пытка водой.)

ЗАРЕМА *(Тяжело дыша)*. Нет.. Нет.. Я её не убивала. Гирей не верит больше мне. Слезы и моления Зарему не спасут от униженья. Гирей не верит больше мне, глаза его закрыты жаждой мести, а я, а я... люблю его сильнее смерти!

(Пытка водой.)

ЕВНУХ поднимает за волосы голову ЗАРЕМЫ, но голова ее бес- сильно падает на грудь.

ЕВНУХ *(в испуге)*. Она мертва... Клянусь, сама не захотела жить! Она водой дышала!

ВИЗИРЬ. Нет, не водой, «любовью вся она дышала» — так бы сказал поэт Гяур. *(Делает знак, стражники опускают Зарему на ковер и уносят).*

Свет тускнеет. Опускается решетчатый занавес.

ГОЛОС ПОЭТА:

Дворец угрюмый опустел —
Его Гирей опять оставил;
С толпой татар в чужой предел
Он злой набег опять направил.

(За решетчатым занавесом появляется Бахчисарайский ФОНТАН СЛЕЗ.)

ГОЛОС ПОЭТА:

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
(Возникают фигуры МАРИИ и ЗАРЕМЫ, каждая из них несет по розе.)
Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня,
Неотразимый, неизбежный?
Марии ль чистая душа
Являлась мне, или Зарема
Носилась ревностью дыша,
Средь опустелого гарема.

(МАРИЯ и ЗАРЕМА кладут к подножию фонтана белую и красную розы.)

МУЗЫКА

ЗАНАВЕС.

Симферополь, 1980 г.

